

СТОИТ ЛИ ПЕРЕЧИТЫВАТЬ МАРКСА

Ирина Осадчая *

“Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей. Но... то, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или во всяком случае истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения.”

(Н.А.Бердяев, Истоки и смысл русского коммунизма, М., 1990, стр. 18)

Apstrakt: *U radu se pozitivno odgovara na naslovno pitanje - treba li se ponovo vraćati Marksu, odnosno treba li trezveno i nepristrasno, s istorijske distance, razmotriti Marksovu teoriju s pozicija savremenosti. Na taj način se pokušava odgovoriti na pitanje kakvo je istinsko mjesto u uloga Marksovog ekonomskog učenja u istoriji svjetske ekonomske misli.*

Ključne riječi: *marksizam, ekonomska misao, kapitalizam.*

Abstract: *In this article is positively replied on thematic question – if it ought to be back to Marx, accordingly if it is staidly and objectively, from historical distance, consider Marx’s theory from the contemporaneously position. On that way it is tried to reply on the question what is real place and role of Marx’s economic theory in the history of economic thought.*

Key words: *Marxism, economic thought, capitalism.*

(UDC: 330.8; JEL classification: B 14, B 24, P 16; Original scientific paper; Received: June 22, 2005)

Сегодня это «религиозное откровение» уже утратило былую магию. Так стоит ли вновь возвращаться к Марксу? Видимо стоит, хотя бы для того, чтобы трезво и беспристрастно рассмотреть марксову теорию с позиций современности, весьма далекой от того капитализма, исследуя который он делал свои далеко идущие выводы, а его последователи считали непререкаемой истиной. Перечитать все, что Маркс написал, а тем более дать всеобъемлющую характеристику его общей философско - экономической концепции невозможно. Данная статья -лишь очередная попытка рассмотреть некоторые, хотя и ос-

новные аспекты его экономической теории, ответить на вопрос: каково ее истинное место в истории развития мировой экономической - теоретической мысли.

В СССР марксизм был навязан обществу как официальная идеология, как единственно верное философское и экономическое учение. «Капитал» Маркса студенты экономических факультетов «долбили» все пять лет обучения. Иного теоретического пропитания было не дано. Марксизм неуклонно превращался в собрание догматических постулатов, которые все менее вязались с современной действительностью, с развитием реального капитализма, крах которого предвещала теория, и с реальным социализмом, который в силу своих преимуществ должен был этот капитализм заменить. Я храню все три тома «Капитала» как реликвию. Они сплошь испещрены моими помет-

---

* Доктор экон. наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. сектором Института Мировой Экономики и Международных Отношений РАН, является членом Большого Ученого Совета ИМЭМО, членом Диссертационного Ученого Совета по мировой экономике МГУ им. Ломоносова.

ками и подчеркиваниями, сделанными в разное время и в связи с разными обстоятельствами. Вначале они делались в ходе более глубокого освоения премудростей марксовской теории. Но чем более осознавалось, что многие положения этой теории ошибочны, устарели, не отвечают реальности, наступала пора усиленных поисков тех спасительных цитат из того же «Капитала», которые говорили о «контртенденциях», (а о них, к счастью, Маркс не забывал), о том, что Маркс собирался написать, но не успел, хотел, но не сделал и т.д. и т.п. С оковами марксизма пытались справляться путем их распатывания, но не сбрасывания.

Что же оказалось несоответствующим реальному развитию капитализма в XX веке?

1. Лабиринты теории стоимости

Начнем с азов - с теории стоимости, прибавочной стоимости и эксплуатации рабочего класса, этой основы основ марксовской теории.

Согласно этой теории стоимость всех товаров создается трудом, представляет собой кристаллизацию абстрактного общественно-необходимого труда, выражается в ценах товаров и определяет условия товарообмена. Но как увязать эту сущностную, скрытую категорию с реальными процессами ценообразования, которые на поверхности, т.е. в реальной действительности, непосредственной связи не обнаруживают? Ведь цены отнюдь не определяются только трудовыми затратами. Реальной категорией (правда, не совсем «реальной», а предполагающей равновесие экономической системы, т.е. равенство спроса и предложения, а также отсутствие монополии) выступает цена производства, определяемая как сумма издержек производства плюс средняя прибыль. Поэтому Маркс строит целую систему «переходных процессов», призванных логически показать, как стоимость трансформируется в цену производства. Логически вроде бы все получалось складно. Однако когда дело доходило до количественной стороны дела, когда надо было показать равенство суммы стоимостей сумме цен производства при учете всех переменных, участвующих в этом процессе, равенства не получалось.

Правда Маркс и не придавал количественной стороне дела важного значения! Но вот тут-то и случился главный прокол, когда считать стали на основе строгих требований математики. Критическое наступление по этой линии открыл сто лет тому назад австрийский экономист Бем-Баверк, утверждавший, что Маркс проблему трансформации не решил. Сумма стоимостей и цен производства никак не уравнивалась в 70-х гг. XX ст. на эту же тему выступил известный американский экономист П.Самуэльсон. Он обнаружил еще ряд логических дефектов в марксовых попытках доказать равенство суммы стоимостей и цен производства. Казалось, вопрос был закрыт. С математической точки зрения трудовая теория стоимости критики не выдерживала.

И все же последняя вспышка споров вокруг «проблемы трансформации» вновь зазвучала в конце 70-х гг. в связи с появлением книги известного английского экономиста П.Сраффы «Производство товаров посредством товаров». Многие молодые марксисты или радикально настроенные экономисты Запада объявили, что «проблема трансформации» решена Сраффой и, следовательно, трудовая теория стоимости получила убедительное подтверждение. Однако более тщательный анализ теории Сраффы (который, естественно, мы здесь опускаем) марксову теорию не спас. Во-первых она была не менее абстрактна, чем теория Маркса (сам автор считал себя продолжателем традиции предшественника и учителя Маркса - Д. Рикардо). А главное, его теория прямого отношения к марксовской теории просто не имела. Ведь количественная сторона проблемы для Маркса - вопрос более чем второстепенный. Если перечитать все, что написано им о стоимости, то еще раз убеждаешься, что стоимость в его представлении не может быть измерена в принципе. Ее нельзя увидеть, пощупать, потрогать - это сущностная категория, которая лишь проявляется в цене. «Но если цена как показатель величины стоимости товара есть в то же время показатель его менового отношения к деньгам, - писал Маркс, - то отсюда не вытекает обратного положения, что показатель менового отношения товара к деньгам неизбежно должен быть показателем величины стоимости.» (Капитал, с. 108).

Так закончилась одна из последних интеллектуальных битв вокруг трудовой теории

стоимости. Как писал известный американский марксист Пол Суизи «Само название книги Сраффы («Производство товаров посредством товаров»)...находится в полном противоречии с марксовым подходом. Маркс явно не касался «производства товаров посредством товаров». Предметом его анализа было производство товаров посредством человеческого труда и все, что это значило для человеческой цивилизации и конечной судьбы капиталистической системы.»

Суизи действительно смотрел в корень. Теория стоимости была не только теорией, призванной обосновать внутренние закономерности ценообразования и обмена. Ее роль была более значительной. Она была призвана доказать, что стоимость товаров не просто создается трудом рабочих (причем предполагалось, что только в сфере материального производства, только там труд считался производительным), и присваивается собственником средств производства (капитала). Дело в том, доказывал Маркс, что последний отдает их создателям лишь часть этой стоимости в виде зарплаты, но... по всем законам эквивалентного товарного обмена, а именно, в соответствии со стоимостью особого товара - рабочей силы. Эта последняя категория считалась одним из величайших открытий Маркса, отделившего стоимость рабочей силы от способности рабочего трудиться и тем самым создавать гораздо большую стоимость, чем необходимо для справедливой оплаты его труда.

В результате у собственника должен был оставаться незаработанный, но вполне «законный» излишек - прибавочная стоимость. Таким казалось бы нехитрым способом обосновывался тезис об эксплуатации рабочего класса, имевший тем не менее огромный идеологический резонанс. Именно поэтому эксплуатируемый класс был призван испровергнуть «несправедливый» капиталистический строй, избавиться от капиталистов, «социализировать» прибавочную стоимость. В сущность «социализации» Маркс не вдавался - главное обосновать лозунг: «Кто был ничем, тот станет всем!» Что ж, в 19 столетии, когда условия труда рабочего класса на капиталистических предприятиях были поистине ужасающими и не регулировались никакими законами, а зарплата едва позволяла сводить концы с концами такая теория, а в особенности ее идеологическая направленность, действительно могла иметь большой успех, не-

смотря на все прорехи в ее абстрактно-теоретической конструкции. (Не случайно, что марксизм именно поэтому стал первой идеологической основой социал-демократического движения в Европе, хотя впоследствии он был оттеснен другими более реалистическими представлениями о смысле и задачах рабочего движения в его борьбе за политические и экономические права, способствующие совершенствованию существующего строя и улучшению положения рабочего класса).

Но вернемся к самой теории. Последняя предполагала два обязательных условия: с одной стороны, что стоимость рабочей силы определяется суммой жизненно необходимых средств существования и воспроизводства рабочей силы (правда допускался некий неопределенный «исторический элемент»), а с другой, что капитал, т.е. средства производства, с помощью которых создается стоимость, никаких усилий у собственника не вызывает. Он является как бы даровой основой производства, а потому ни морального, ни объективного оправдания на присвоение части созданной стоимости не имеет.

Чрезмерная упрощенность этой теоретической конструкции у непредвзятого читателя сразу же должна была вызвать ряд вопросов. А разве собственник средств производства (за исключением чистых рантие) не выполняет никаких производительных функций? В том-то и дело, что выполняет. Эти функции крупнейший экономист рубежа XIX и XX столетий Й. Шумпетер объединил одним термином- предпринимательство. Оно связано с организацией производства, внедрением нововведений, постоянным революционизированием техники и технологии производственного процесса и, конечно, же с постоянным вложением части присвоенной прибавочной стоимости обратно в производство, осуществляя его расширение и накопление капитала. Так что оказывается, что пресловутый «капиталист» или представляющие его менеджеры тоже имеют «законное» право на прибавочную стоимость.

Не выдержала испытания временем и теория стоимости рабочей силы в том виде, как ее определил Маркс. Он связал эту теорию с «законом» относительного и абсолютного обнищания рабочего класса, означающего рост нищеты, безработицы и страданий трудящихся в ходе накопления капитала. Однако в реальной действительности развитие

пошло по иному пути (об этом «законе» мы еще поговорим ниже). Сначала профсоюзы, а затем и государство с его системой социального законодательства, а также сам характер технического прогресса способствовали постепенному изменению экономического и политического положения рабочего класса и росту его благосостояния. Если же говорить о современности, то изменилась и структура рабочего класса, а точнее наемных работников. В ней все большую роль играют ныне те «беловоротничковые» работники, которые сами становятся собственниками особого капитала - интеллектуального, или человеческого капитала, не говоря уже о том, что акционерная форма собственности позволила стать «капиталистами» многим представителям этого «эксплуатируемого» класса. В современном капитализме все отношения найма и распределения созданной стоимости перешли в область партнерских контрактных отношений, определяемых скорее юридическими нормами и правилами рыночного торга, нежели законами эксплуатации. Таким образом, теория стоимости и эксплуатации давно принадлежит прошлому.

Как писал один из наших исследователей, «можно предположить, что понятию эксплуатации предстоит жить в двух контекстах. Во-первых, в рафинированных штудиях на стыке этики и экономики. Во-вторых, в политической риторике, которой нет дела до точного смысла используемых слов, лишь бы они обладали достаточным эмоциональным зарядом... Однако вопрос о марксовой теории эксплуатации можно при этом считать уже закрытым». (Р.Капелюшников. *Мировая экономика и международные отношения*, 12, 1992, стр.86.). Что ж, с этим можно согласиться.

2. Основные тенденции, обуславливающие крах капитализма

Свои прогнозы относительно будущего неизбежного краха капитализма как экономической системы Маркс строил на базе трех генеральных тенденций, или «законов»: (1) преимущественного роста производства средств производства (первого подразделения общественного производства) по сравнению с производством предметов потребления (второго подразделения общественного производства); (2) тенденции к абсолютному и относительному обнищанию

рабочего класса и (3) тенденции нормы прибыли к понижению. Все три тенденции в теории Маркса взаимосвязаны и взаимообусловлены. Поэтому отрицание, или несостоятельность одной неизбежно влечет за собой неправомерность другой, а следовательно и конструкции в целом,

Закон преимущественного роста производства средств производства Маркс вывел на основе своих знаменитых схем простого и расширенного воспроизводства. Разделив весь общественный продукт в его натуральной форме на два вышеупомянутых подразделения и выделив основные элементы стоимости продукции в каждом из них, он показал, какие стоимостные и натуральные взаимосвязи и пропорции складываются между ними в процессе простого (когда вся прибавочная стоимость потребляется) и расширенного воспроизводства (когда часть или вся прибавочная стоимость капитализируется, т.е. превращается в дополнительный капитал, накапливается.) В принципе это был важный методологический прием, до сих пор высоко ценимый и в современной экономической мысли. Согласно этим схемам условием расширенного воспроизводства, или экономического роста, является увеличение производства средств производства сверх того, что необходимо для возобновления капитальных затрат в обоих подразделениях. Этот излишек является материальной основой для новых инвестиций, для повышения капиталовооруженности труда, являющейся в свою очередь базой для роста его производительности.

Отсюда и вытекал «закон» преимущественного роста первого подразделения как непреложный закон экономического развития, как оборотная сторона технического прогресса, как условие роста производительности труда. (Кстати, этот «закон» оправдывал производство ради производства, что и было положено в свое время в основу планирования народного хозяйства нашей экономики. Он означал, что все больше инвестиций направлялось в производство сырья, машин, оборудования, и все меньшая их доля шла в отрасли, производящие предметы потребления). «Закон» преимущественного роста первого подразделения исходит из предпосылки, согласно которой технический прогресс носит капиталоемкий характер, т.е. с ростом капиталовооруженности рабочей силы увеличивается и объем капитальных

затрат на единицу продукции (капиталоемкость). Однако технический прогресс может носить и капиталосберегающий характер, снижающий капиталоемкость продукции. Начиная примерно с 20-х гг. XX столетия такой технический прогресс стал преобладающим в развитых странах..

Экономия капитальных затрат наряду с быстрым ростом зарплаты, а следовательно и потребления кардинально изменили пропорции экономического роста, в результате чего оба подразделения стали расти практически параллельно. Многие статистические исследования подкрепляют эти выводы. (статистики обычно оперируют показателями роста 1 и 11 подразделений в промышленности: это группа А, включающая производство средств производства, и группа Б, включающая производство предметов потребления. Так вот, по расчетам американского экономиста А. Бэрнса в США в период 1870 – 1929 гг. группа А действительно росла быстрее группы Б. Иное положение сложилось, начиная с 30-х гг. XX ст. Так за период 1929-1947 гг. первая выросла на 87, а вторая - на 85%. Эта тенденция сохранилась и в послевоенный период. По расчетам специалистов ИМЭМО на протяжении 70-80-х соотношение группы А и Б в промышленности США, ФРГ и Японии сохранялось практически неизменным на уровне 65-35% для США, 70-30% для ФРГ и 67-33% для Японии (причем в Японии этот коэффициент непрерывно снижался в пользу группы Б).

Но что означил этот закон для общей социальной конструкции марксистской теории? Ведь не просто техническая сторона проблемы его интересовала! Дело в том, считал Маркс, что вместе с относительным ростом первого подразделения меняется техническое строение капитала, т.е. отношение средств производства к величине требуемой рабочей силы. А это означает, что с расширением производства спрос на рабочую силу сокращается. «Он понижается относительно, по сравнению с величиной всего капитала, понижается в прогрессии, ускоряющейся с возрастанием этой величины - писал Маркс -. Хотя с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная часть, т.е. вбираемая им в себя рабочая сила, но увеличивается в постоянно убывающей пропорции...Капиталистическое накопление постоянно производит, и при том пропорционально своей энергии и своим размерам, от-

носительно избыточное, т.е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население.» (Капитал, с.636).

Это «добавочное рабочее население» он называл «резервной армией труда», которая обеспечивает, во-первых возможность циклического развития капиталистического производства, т.е. развития через кризисы и подъемы (нужная рабочая сила всегда под рукой!), а во-вторых определяет тенденцию к обнищанию рабочего класса. Именно наличие резервной армии труда позволяет удерживать заработную плату на уровне стоимости рабочей силы, не позволяя поглотить всю или хотя бы часть прибавочной стоимости. Ее ряды постоянно пополняются выталкиваемыми из производства излишком рабочих именно потому, что растет объем применяемого капитала. К тому же идет разорение мелких товаропроизводителей, особенно в сельском хозяйстве. Правда, часть из них вновь втягивается в производство благодаря его постоянному расширению. Но так как это расширение происходит неравномерно, циклически, проходя через фазы кризисов и подъемов, то наличие «резервной армии» оказывается оборотной стороной циклического развития капитализма. Зависимость между ростом функционирующего капитала и увеличением безработицы, обрекающей часть трудоспособного населения на жестокие лишения и оказывающей давление на заработную плату активной армии труда Маркс считал «всеобщим законом капиталистического накопления».

Все здесь было верно, но в основном для XIX столетия. В эпоху быстрой индустриализации народного хозяйства, превращения страны из аграрно - индустриальной в промышленно развитое государство такая концепция не противоречила действительности. Более того, следует признать, что и сегодня проблема безработицы остается важнейшей социальной проблемой капиталистической, вообще рыночной экономики. Однако ее причины стали намного сложнее, а положение безработных, как и положение самого рабочего класса изменилось кардинальным образом, о чем мы уже писали выше.

С более быстрым ростом капитала по сравнению с применяемой рабочей силой Маркс связывал и третью тенденцию, ведущую к подрыву капиталистического произ-

водства как бы изнутри - тенденцию нормы прибыли к понижению. Абсолютная величина прибыли, в которой воплощается прибавочная стоимость хоть и растет, но растет медленнее, чем увеличивается объем капитала. Это происходит вследствие относительного сокращения применяемой рабочей силы, создающей эту прибавочную стоимость. А потому отношение прибыли к капиталу (норма прибыли) в долгосрочной перспективе должно падать. Следует признать, что сам Маркс ощущал, что в этом вопросе у него не все сходится. Такое падение предполагает по крайней мере неизменным соотношение прибавочной стоимости и той части стоимости, которая идет на оплату рабочей силы, что противоречит «закону» относительного обнищания рабочего класса - ведь тогда получается, что и доля заработной платы во вновь созданной стоимости (в национальном доходе) должна оставаться неизменной. Тенденция эта не учитывает влияния многих других факторов, связанных с характером технического прогресса, с ростом производительности труда, с экономией капитала, способных оказывать противоречивое влияние на эту тенденцию.

Не случайно, что сам Маркс посвящает целую главу противодействующим факторам, в которой можно найти много интересных соображений по этой проблеме. И тем не менее эта тенденция (породившая массу головомомных проблем для его последователей, пытавшихся обнаружить и подтвердить наличие такой тенденции статистически) осталась важной составляющей общей конструкции, предрекавшей неизбежность краха капитализма. Но мы были бы несправедливы в отношении марксовской теории, показав исторически преходящий характер лишь этих трех выше описанных «законов» или тенденций. На самом деле наиболее важной и исторически устойчивой оказалась совсем другая тенденция, которая имела и имеет решающее значение и для современного капитализма. Это тенденция к концентрации и централизации капитала, происходящая под натиском конкуренции, причем не только на основе превращения в капитал прибавочной стоимости, но и сбережений самых широких слоев населения. Эта тенденция привела к появлению акционерного капитала и первых корпораций, которые не остались незамеченными Марксом, но который, конечно, еще не мог предвидеть всех последствий

этого нового для развития капитализма явления. Именно акционерная форма капитала чрезвычайно раздвинула масштабы накопления, на его основе стало возможным осуществление новых грандиозных технических проектов, а впоследствии - создания транснациональных корпораций (ТНК), обеспечивающих проникновение капитала во все уголки земного шара.

3. Капитализм «не по Марксу»

Но обнаружив эту тенденцию, Маркс сделал из нее свой самый ошибочный прогноз. Он писал со свойственным ему пафосом: «Вместе с уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизуют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и над ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». (К.Маркс. Капитал, т.1, 1949г., стр. 766.)

Как видим, подобного апокалипсиса ни в одной развитой стране капитализма не произошло. Ошибочность прогнозов Маркса имела в своей основе еще одно важное упущение: в его теории не нашлось места анализу одного, но крайне существенного для дальнейшего развития капитализма института - государства, которое в ходе развития капитализма начинало играть все более активную роль социального и экономического стабилизатора экономики.

Социально-экономическую систему современных развитых стран, многие из которых уже вступили в постиндустриальную стадию своего развития, как и в XIX столетии по традиции называют «капитализмом», поскольку главная ее черта та же -- динамичность, основанная на превращении прибыли в капитал, на непрерывном накоплении богатства и расширении производства и потребления.

Однако в ходе исторического развития капитализм этот изменился до неузнаваемости. Экономика развитых стран превратилась по сути дела в смешанную систему, в которой сплелись воедино динамизм рыночного хозяйства и социальная ориентация, носителем которой выступает государство и другие общественные институты. Правда для этого надо было пережить беды и отчаяние глубочайшей депрессии 30-х гг., а также две мировые войны, в результате которых сформировался целостный механизм государственного вмешательства, который в немалой степени способствовал спасению капитализма от тех революционных потрясений, которые предрекал Маркс.

Масштабы непосредственной вовлеченности государства в хозяйственную жизнь разных стран различны. Более того, с ходом развития, с возникновением новых технологий, особенно информационных, с расширением масштабов интернационализации, а ныне и глобализации экономики меняются приоритеты и механизмы государственного вмешательства. Но сохраняются неизменными основные функции государства в рыночной системе, которые и делают эту систему цивилизованной, отвечающей интересам общества в целом, а не отдельным его классам или группам. (Хотя и здесь происходят нарушения этого принципа, и здесь нередко с помощью государства отдельные группы, в т.ч. государственная бюрократия извлекают т.н. «политическую ренту», т.е. незаконные доходы, но этому есть свои противовесы, которые общество стремится укрепить). Эти функции разнообразны, поэтому и считать их можно по-разному. Но главные, выделяемые всеми исследователями т.н. «Экономики общественного сектора» (*Public Economics*), являются следующие. *Во-первых*, обеспечение правовой основы рыночной экономики, защищающей права собственности, предпринимательства, всякого рода договорных отношений, в т.ч. отношений между наемными работниками и нанимателями. *Во-вторых*, компенсация т.н. «провалов рынка», т.е. непосредственная деятельность государственных органов в тех сферах, где рынок не работает по причине низкой прибыльности или полной бесприбыльности (например, экология, производство «общественных благ», начиная с содержания армии и кончая образованием, медициной - в тех масштабах, в каких она предоставляется госу-

дарством, - или водоснабжением и канализацией). *В-третьих*, социальная функция, основанная на перераспределении национального дохода и преследующая своей целью обеспечение всех членов общества минимально необходимыми средствами для существования. (Кстати, осуществление многочисленных программ, связанных с этой функцией, поглощает почти половину всех бюджетных расходов развитых стран). *В-четвертых*, следует выделить функцию макроэкономического регулирования, осуществляемую с помощью бюджетных и денежно-кредитных механизмов. Ее цель - обеспечить стабильное развитие страны без инфляции, кризисных спадов производства, при таких темпах роста, которые бы способствовали возможно низкому уровню безработицы. И, наконец, *пятая* функция - это обеспечение общих условий долговременного роста экономики своей страны.

Здесь методы использовались самые разнообразные - и прямое участие государства в создании производственных мощностей, и национализация, и даже планирование. Но это было характерно для европейских стран в послевоенный период. Сегодня главным, стратегическим направлением деятельности государства по осуществлению этой функции являются расходы в «человеческий капитал», на образование, а также на поддержку научных исследований и разработок. Кроме того в условиях глобализации огромное значение приобретает поддержка «своих» транснациональных корпораций, проникающих во все уголки мира.

Современное государство является органической составной частью экономической системы, оно способно оказывать огромное воздействие на жизнь всего общества. В то же время использование таких рычагов, как бюджет, банковская система, государственное предпринимательство подконтрольно парламенту, ограничено юридическими рамками, законами, договорными отношениями. Это ставит определенный барьер для произвольного манипулирования административной мощью государства со стороны правительства, чиновников, различных лоббистских групп.

4. Маркс - один из крупнейших творцов в истории экономической мысли

После всего сказанного казалось бы следует вывод: (используя название одного кинофильма) «Следствие закончено - забудьте».

Мы любим творить себе кумиров и поклоняться идолам, а затем так же истово их ниспровергать. Теперь марксизм как официальная идеология, как «единственно верное» экономическое учение окончательно развенчаны. Даже критические статьи о марксизме, столь широко публиковавшиеся и жадно читавшиеся в начале 90-х гг., ушли в прошлое. Что ж, Маркса со всем его учением следует вычеркнуть из истории навсегда?

Время - лучший оценщик того, кто чего стоит и в какую классификационную клеточку истории ту или иную историческую личность следует поместить. Как известно, нет пророка в своем отечестве. Поэтому при оценке марксова наследия в области экономической теории небезинтересно обратиться к современной экономической мысли Запада. Поскольку в западной экономической мысли, несмотря на все «революции», которые она переживала, все же сохранялась историческая преемственность, стоит посмотреть, какое место отводится в ее развитии Марксу. Мы не будем здесь ссылаться на экономистов или социологов лево-радикального толка, для которых в марксизме главным был и остается его критический революционный запал. Но как относится к Марксу экономический истеблишмент, который трудно заподозрить в предвзятости? В этом плане можно отметить три момента.

Первое. Ни один учебник истории экономической мысли не исключает из нее учение Маркса. В то время, как в нашей стране Маркса то превозносили, то ниспровергали, в западной экономической мысли давно признаны его заслуги как величайшего ученого своего времени и прежде всего как наследника и завершителя классической традиции в развитии политической экономии, наиболее видными представителями которой были английские экономисты А. Смит (1723 - 1790) и Д. Рикардо (1772-1823). В этой связи уместно привести следующее высказывание уже цитировавшегося выше Й. Шумпетера, который признан одним из самых глубоких исследователей творчества Маркса: «Настоящее понимание его экономической теории, - пи-

сал он, - начинается с признания того, что как теоретик он был учеником Рикардо... Он всегда пользовался рикардianским инструментарием, а каждая теоретическая проблема выступала у него либо в форме трудностей, с которыми он столкнулся при глубоком изучении работ Рикардо, либо в виде тех, требующих дальнейшей разработки положений, которые он оттуда тщательно отобрал». (Й.Шумпетер. Капитализм, социализм и демократия, М., 1995, стр.56).

Такое представление о марксовой экономической теории признано и в новом учебнике по истории экономических учений, изданном в 2000г. коллективом авторов Высшей школы экономики. «Свою теорию он рассматривал как альтернативу классической школе, однако в исторической ретроспективе именно марксизм оказался наиболее последовательным хранителем ее интеллектуальной традиции в XXв.» (История экономических учений. М., 2000г., стр. 110). Благодаря такой трактовке теория Маркса находит свое «законное» место в потоке истории, не требуя при этом никаких натяжек и привязок к современности, ни чрезмерного восхваления, ни ненужных проклятий - все ее особенности исторически обусловлены, как и у прочих авторов, теории которых он развивал и продолжал.

Второе. Но ограничиться признанием рикардianского характера теории Маркса было бы все - таки принижением масштабности его научного вклада. Никто из его современников не дал столь исчерпывающего анализа развития капитализма эпохи первоначального накопления, индустриализации и господства свободной конкуренции. Все три тома его «Капитала» - это не только теоретические изыски, это колоссальный массив реальных фактов и событий, почерпнутых из свидетельств его современников.

Исторический опыт показывает, что этот период является самым опасным в развитии капитализма. Причем это касается не только пройденного этапа в развитии стран Запада, но и любой другой страны, встающей на рельсы капиталистического развития сегодня (это касается в частности многих ранее отсталых стран). Именно этот этап сопровождается ростом неравенства доходов, классовыми конфликтами, обострением борьбы вокруг земельных отношений. Его то и отразил Маркс в своем анализе. «Марксова картина мира не беспочвенна и не бессмысленна, -

писал Е. Гайдар. - Маркс принял за долгосрочную, универсальную тенденцию то, что оказалось детской болезнью капиталистического развития, хотя болезнью опасной, чреватой серьезными осложнениями». (Е.Гайдар. Аномалии экономического роста. М., 1997, стр.55).

Действительно, этот отрезок богат экономическими и социальными кризисами, революциями, насильственной ломкой сложившихся институтов. Но правящим элитам удалось сравнительно благополучно провести свой корабль сквозь бури и подводные камни этого периода. Капитализм, сумев оседлать технический прогресс, привел к колоссальному накоплению общественного богатства, на базе которого удалось существенно поднять материальное благосостояние и рабочего класса, который предпочел экономическую борьбу тем революционным потрясениям, к которым его звал марксизм. Но этого «хэши энда» Маркс уже не увидел.

И *третье*. Если экономические пророчества Маркса относительно краха капитализма не сбылись, то есть другие аспекты его общетеоретической системы, которые продолжают вызывать признание, даже восхищение и которых мы здесь не касались. Это особая тема. Речь идет о его попытке грандиозного синтеза экономического и социального аспектов развития человеческой истории, его идее стадийного (формационного) характера этого развития, которая остается плодотворной и сегодня, хотя коренным образом меняются представления об этих стадиях и их движущих силах. Вот что, к примеру, пишет об этом крупнейший историк экономической мысли М.Блауг: «XX столетие стало свидетелем энергичного бунта, направленного про-

тив грандиозных философских систем, таких как марксизм, которые пытаются объяснить общество во всех его аспектах. Мы живем в век специализации в области социальных наук в не меньшей степени, чем в области технологии. Но это и есть основание, чтобы изучать Маркса. Что бы ни думали о конечной обоснованности марксизма, надо иметь слабые умственные способности, чтобы не увлечься героической попыткой Маркса дать обобщенное и систематизированное толкование «законов движения» капитализма». (М. Блауг. Экономическая мысль в ретроспективе., М., 1994, стр. 207.) Наиболее «увлеченным» этой попыткой Маркса был, кстати говоря, Й.Шумпетер. Он, в частности, писал: «Через все, что есть ошибочного или даже ненаучного в его анализе, проходит одна фундаментальная идея, в которой нет ничего ошибочного или ненаучного; идея теории, построенной... на развитии экономического процесса как такового, движимого собственной энергией... Вот почему автор столь многих неверных концепций оказался в то же время первым, кто представил себе то, что до сих пор все еще остается экономической теорией будущего, для которой мы медленно и упорно кошим строительный материал, статистические факты и функциональные уравнения». (Шумпетер, там же, стр. 83.)

Так стоит ли перечитывать Маркса? Конечно, стоит, как стоит перечитывать любого другого мыслителя, оставившего заметный след в истории развития человеческого знания. Но только не для того, чтобы творить себе нового революционного кумира, знающего как и зачем следует, по его словам, «перевернуть мир».